

2. ТУРОВЪ, Мин. г.

Велика и обильна Минская губернія... Громада въ девяти уѣздахъ и въ каждый изъ нихъ съ успѣхомъ влѣзетъ Баварія со всѣми потрохами.

Надъ всѣми этими Баваріями торчитъ одинъ административный центръ—Минскъ. И Минскъ сплошь и рядомъ—какъ это вообще водится—не знаетъ ничего о томъ, что творится въ подчиненныхъ ему Баваріяхъ.

Сидя на берегахъ, жалости достойной, Свислочи, мы узнаемъ довольно своевременно и довольно обстоятельно о на-

водненіи въ какомъ нибудь американскомъ штатѣ, о катастрофѣ возлѣ Локагамы и нападеніи на почтовый поѣздъ возлѣ Тарабаготая, но о томъ, что происходитъ тамъ и сямъ, по уголкамъ минскаго Полѣсья, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, потому что этимъ никто не интересуется. Между тѣмъ, въ полѣсскихъ уголкахъ, въ краю „дрягна“ (болота), не только жизнь, но и природа дарятъ полѣшукѡвъ сюрпризами, относящимися къ категоріи,—„достойныхъ вниманія“.

И чѣмъ больше живешь въ этомъ полѣсскомъ краѣ, чѣмъ больше присматриваешься къ нему, тѣмъ чаще и неотступнѣйavorачивается одна мысль:

Мы не знаемъ, гдѣ живемъ...

Какъ же требовать отъ насъ пониманія нуждъ этого края, когда мы знаемъ его по наслышкѣ. Мы вотъ, знаемъ, что Венеція, „царица морей“, стоитъ на лагунахъ и что какъ только пріѣдешь въ эту „столицу дождей“, такъ ужъ надо позабыть о извозчикахъ и мостовыхъ и всякихъ сухопутныхъ удобствахъ: всюду вода, всюду лабиринты каналовъ и всюду—гондолы. Но, если я вамъ скажу, что у насъ тоже имѣется своя Венеція и, притомъ, не въ миниатюрѣ, вы не повѣрите мнѣ. А, вѣдь, это фактъ!.. Въ самомъ почти углу нашей „великой и обильной“ губерніи, въ томъ углу ея, гдѣ древне-русская земля дреговичей, которую обводитъ прихотливое теченіе Припети, граничитъ съ Вольныю, стоитъ наша полѣсская Венеція, нашъ ветхій Туровъ... Настоящее царство водяного дѣдушки, русалочьихъ заводей и прочихъ древнеславянскихъ рѣчныхъ божествъ, до Макоши включительно. Въ Италіи—Венеція, у насъ—Туреція! Въ Венеціи—гондола, въ Туреціи—дубъ. Разница небольшая, потому что „дубъ“ работы дреговичей,—насчитывающій тысячелѣтнюю давность, если и лишень венеціанскихъ орнаментовъ и инкрустацій, то въ удобствѣ не уступитъ венеціанской гондолѣ.

Кто его зналъ, что направляясь въ сторону дреговичей, я буду въ своеобразной Венеціи, съ своеобразными гондолами и не менѣе оригинальными гондольерами. Мы живемъ въ странѣ неожиданностей. То, что ожидало меня въ этомъ году въ Туровѣ, было сверхъ-неожиданностью.

Всѣ европейскія дороги ведутъ въ Римъ,—всѣ полѣсскія дороги—въ Припеть. Какъ ни хитри, Припети не миновать! Я зналъ, что эта многоводная рѣка разливается, но вовсе не зналъ, что она разливается такъ грандіозно. Отъѣхаль отъ Житковичъ 15 верстъ и, сидя въ бричкѣ, очутился у „моря-океана“.

Хорошо!.. Что же дальше?

Вода!..

Небо и водяной просторь...

Два гондольера галопомъ устремились къ моимъ услугамъ. Одинъ, помоложе, бросилъ гармонику (у венеціанца была бы, конечно, гитара) и побѣждалъ за веслами, а другой, постарше, захватилъ охалку соломы и бросилъ ее на дно лодки, Чтобы барину удобнѣй было лежать!.. До Турова—13 верстъ воды. Итакъ, сказавъ землѣ „до пріятнаго свиданія“, я предался на волю и искусство гондольеровъ не безъ удовольствія: надоѣла земля.

Вы какъ же, спросилъ я у гондольеровъ, служите у кого?

Нѣтъ, ваше высокоблагородіе (венеціанцы просто сказали бы—„сеньоръ“),—мы *вольнопредѣляющіеся!*..

Ну, вольнопредѣляющіеся, жарьте!..

Гондольеры ловко оттолкнули „дубъ“ отъ берега. У каждаго по одному веслу. Лодка пошла скользить и черезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали на такой просторъ, какого я никогда не видалъ. Одинъ гондольеръ сидѣлъ на рулѣ, но въ то же время производилъ и манипуляціи весломъ,—а другой-то вставлялъ свое весло въ уключину и гребъ, то лавировалъ весломъ стоя. Весело было смотрѣть... Любопытно.

Но имъ казалось, что я приунылъ отъ перспективы барахтаться нѣсколько часовъ подъ-рядъ по затонамъ и вирамъ Припети, и они стали меня утѣшать:

Ничего,—баринка!.. За два часа заѣдемъ!.. Воды много!.. Мы—это—вотъ, сейчасъ вернулись изъ Турова, а теперь опять ѣдемъ!..

И хоть-бы тѣнь усталости! Такъ беззаботно шлепаютъ веслами—туда-сюда, во всѣ стороны!

Чтожь-жь, спѣшить некуда!.. Только-бъ за—видно доѣхать!..

Это-чтожь беспокоиться! Завеземъ!.. А господа другіе—такъ тѣ спѣшать... Вотъ на-дняхъ, везли мы одного... Заморились трошки... А онъ какъ выломитъ лозу, да какъ почаль—то меня, то его... Вези скорѣй!.. Да еще мало того—лаяться стальъ здорово... Серьезный такой!.. Этотъ эпитетъ,—„серьезный“ въ рѣчи полѣшука я слыхалъ много разъ—тогда, когда полѣшукъ жалуется на грубость и рукоприкладство.

Разгулялась Припеть... Конецъ мая, а вода и не думаетъ уходить.

Отъ села Уборки до русла Припети (подъ самымъ Туровомъ) мы плыли десять верстъ крестьянскими сѣнокосами, обратившимися, благодаря разливу, въ море. Въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ образовались прямо „виры“ на тѣхъ лугахъ, гдѣ лѣтомъ крестьяне пасутъ скотъ („попасы“).

Вся эта гладь зеркальнаго разлива покрыта всюду водорослями и водяными лиліями. Съ пронзительнымъ крикомъ надъ головой—то—и дѣло—мелькали чайки, крачки и дикія утки.

Въ кустарникахъ и лознякѣ шелъ несмолкаемый гомонъ этихъ беззаботныхъ и совсѣмъ привыкшихъ къ человѣку птицъ. Чайки—такъ тѣ, ну, прямо-таки кувыркались надъ нашими головами и разсыпались въ разныя стороны только послѣ того, какъ „гондольеры“ грозили имъ веслами.

Такъ, незамѣтно лавируя среди лозняковъ, гондола приблизилась къ Припети. Вотъ, ужъ гдѣ, вода приняла совсѣмъ стихійные размѣры. Грозно разлилась Припеть, мать Стыри, Горыни и Случи,—самая широкая, самая живописная рѣка Полѣсья,—рѣка, по которой, при первыхъ кіевскихъ князьяхъ въ землю Туровскую шли государственность, церковность и книжность.

Туровъ виденъ отсюда верстъ за семь.

Вотъ онъ нашъ полѣсскій „градъ Китежъ“!..

Вотъ она, ислѣвшая страница удивительно — яркаго прошлаго древней православной Руси...

Вотъ кусочекъ земли, въ которой таятся разгадки прошлаго етолицы Дреговичскаго княжества...

Время занесло и засыпало здѣсь остатки былого церковнаго величія кіевской Руси, превративъ туровскія лагуны, низины и трясины въ жалкій и чахлый знакъ вопроса, надъ разрѣшеніемъ котораго еще никто изъ нашихъ русскихъ историческихъ кладоискателей не задумывался и задумываться не думалъ. Только одна лопата знатоковъ археологіи можетъ и должна пройти по этой исторической стари, все еще продолжающей быть новью. Для археолога здѣсь непочатый уголь, но—къ сожалѣнію—уголь этотъ забытъ, онъ все еще продолжаетъ лежать втуне и ждать своего Хвойку и онъ дождется его, какъ дождался Хвойку древне-престольный Кіевъ. Я не думаю ставить въ этомъ смыслѣ на одну доску съ Кіевомъ Туровъ и туровщину, но кто знаетъ—какіе сюрпризы таитъ въ себѣ этотъ дреговичскій „Китежъ-градъ“, имѣвшій въ оно время 70 церквей—этотъ другъ древняго православія, давшій древней Руси плеяду яркихъ свѣточей православія—туровскихъ епископовъ и святого Кирилла Туровскаго, укрѣпившаго въ себѣ великій духъ подвижничества въ дреговической глуши, просвѣщенной живымъ словомъ этого древняго Русскаго Златоуста.

На ряду съ тьмой эпохъ, засыпавшихъ слѣды короткой, но

громкой славы этой колыбели православія, поработали съ равнымъ успѣхомъ татарщина и польщизна. Насыпавъ надъ Туровомъ могилу и сравнивъ съ землей его громадную площадь, безжалостное время превратило древній стольный городъ въ убогое мѣстечко... Оно начинаетъ мало-по-малу приобрѣтать сносный видъ только послѣ ряда послѣднихъ пожаровъ.

Бѣдный-бѣдный Туровъ! Время раздѣлало тебя вкривь и вкось и жестоко посмѣялось надъ тобой... Не за то ли, что во времена ярославской славы ты гремѣлъ своими колоколами и призывалъ къ православнымъ алтарямъ своимъ всѣхъ язычниковъ Польска? Злобно пошутило надъ тобою неумолимое время, отдавъ тебя сначала огню и мечу татаръ, а потомъ данникамъ Рима. И когда любознательный человѣкъ разворачиваетъ энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона, онъ находитъ въ немъ о Туровѣ всего четыре строки.

„Туровъ—мѣстечко Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда, на р. Припети. Жителей—2699. Церквей—2. Мѣщанское управленіе, почта и телеграфъ“... Ни слова больше! Впрочемъ, чего можно ожидать отъ Брокгауза—Эфрона? Что ему Гекуба и что онъ Гекубѣ?.. Что ему Туровъ и что говоритъ Туровъ ему, космополиту?.. Да!.. но зачѣмъ же перевертывать и умышленно искажать!.. И сейчасъ Туровъ имѣетъ не двѣ церкви, а пять... И о нихъ можно было-бы, если не много, то кое-что сказать! но—по мнѣнію Брокгаузовъ и Эфроновъ, можетъ ли это быть интересно широкой читающей публикѣ?..

Вообще, Туровъ состоитъ въ „почетномъ забвеніи“ не только у археологовъ. Обслѣдуя со всевозможнымъ тщаніемъ югъ и сѣверъ Россіи, наша присяжная археологія упорно обходитъ нашъ сѣверо-западъ, для котораго Туровъ является самымъ дорогимъ мѣстомъ, самой дорогой могилой древне-удѣльной старины. И потому, кажется, что археологическое общество, протежирующее столь сѣвернымъ древностямъ, состоитъ въ неоплатномъ долгу предъ замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ стариной древне-престольнаго Турова. Нива для археологическихъ изслѣдованій здѣсь непочатая. Я увѣренъ, что эти раскопки будутъ имѣть не только грандіозные археологическіе результаты, которымъ суждено будетъ освѣтить многія „темныя“ мѣста нашихъ лѣтописей, нашей древней исторіи, мало того, они пробудятъ живой, активный интересъ къ туровской старинѣ, имѣющей высокое церковно-національное значеніе. Они заставятъ всѣхъ, кому дороги эти яркіе слѣды православной старины, оглянуться на свое прошлое и просить прощенія за легкомысленнѣйшее отношеніе

къ этой старинѣ, попираемой нынѣ святотатственно ногами чужеродныхъ насельниковъ Турова.

Въ самомъ дѣлѣ глумленіе надъ этой святой стариной достигаетъ „геркулесовыхъ столбовъ“ и является сплошнымъ очевиднымъ кощунствомъ. Я не буду уже говорить о томъ, что на мѣстѣ знаменитаго Борисо-Глѣбскаго монастыря, вблизи котораго сначала спасался на столбѣ, а затѣмъ архіерействовалъ Св. Кирилль Туровскій, стоитъ досчатая церковка, во имя Св. Кирилла, типа самыхъ бѣдныхъ деревенскихъ церквей, не буду распространяться о томъ, что убожество этого памятника не отвѣчаетъ святости этого мѣста и воспоминаніямъ, связаннымъ съ нимъ, съ родиной знаменитаго Туровскаго Владыки и Владычникомъ садомъ,—я долженъ только отмѣтить здѣсь, что базарная площадь въ Туровѣ, возлѣ Замковой горы, находится на мѣстѣ древнѣйшаго кладбища... Торгующіе и покупающіе топчуть остатки надмогильныхъ плитъ, швыряютъ костями древнихъ насельниковъ Турова. Находили здѣсь и цѣлые скелеты... Такъ глумится надъ величіемъ старины удѣльной эпохи „рѣка время“... Но это еще не значитъ, чтобы мы, щадя свои лучшія чувствованія, не остановили этой рѣки и не расчистили ея русла.

Угрюмая печаль повисла надъ этими интереснѣйшими мѣстами, гдѣ высились княжескіе терема дѣтей Ярослава I и Мономаховичей и ихъ потомства вплоть до потомства Юрія Долгорукаго, круто повернувшаго исторію Руси къ Москвѣ. Какая сѣдая старина! Какая милая старина!.. Еще и Москвы не было въ поминѣ, какъ здѣсь, на припетскихъ лагунахъ лился подъ полѣсское небо торжественный перезвонъ и несъ хвалу въ честь Творца, воодушевляя души и сердца недавнихъ язычниковъ. Вотъ гдѣ начиналась Русь православная, вотъ гдѣ, открывался новый міръ православія, которое нашло себѣ здѣсь, въ Туровѣ, такихъ провозвѣстниковъ церкви, какъ епископы Симеонъ, Игнатій, Иоакимъ, Георгій, Кирилль и др. Отсюда торжествующее православіе въ 12 вѣкѣ посылало свой привѣтъ первымъ лучамъ православной церкви въ суздальскую землю, на сѣверъ.

Въ Кіевѣ и Туровѣ—альфа, въ Суздали—омега!.. Здѣсь—„въ началѣ бѣ Слово“, а тамъ—потомъ только!.. Здѣсь слово нашло себѣ такого энтузіаста, какъ св. Кирилль Туровскій, занявшій кафедру къ 1169 году и поучавшій страну „дрягна“ (болотъ) назидательными писаніями. Вотъ здѣсь, когда Суздальская земля еще коснѣла въ невѣжествѣ,—быть можетъ на мѣстѣ остатковъ Владычняго туровскаго сада уже слагались поэтическія рѣ-

чи знаменитаго туровскаго витіи, Св. Кирилла, и дреговичи повторяли его молитву:

„Спаси, Господи, и помилуй ненавидящихъ мя и враждующихъ ми и творящихъ ми пакость, поношающихъ ми,—такожде и оклеветающихъ мя! Да никто-же, никакой-же отъ нихъ, мене ради нечистаго, зло нѣкако постраждетъ—ни въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ни въ будущемъ, но очисти ихъ милостью Своею и покрый ихъ благодатію Своею, Благій!..

Св. Кириллъ Туровскій былъ—вѣдь—уроженецъ этого самаго Турова. Въ Туровѣ учился, выросъ, затѣмъ, Туровъ сталъ для него и школой грамоты, школой высокаго подвижничества и епископскаго, наконецъ, служенія. „Множайшія“ сочиненія этого русскаго Іоанна Дамаскина, просвѣтили „всеѣ концы россійскіе“ и доставили ему славу „паче всехъ“ древнихъ Златоустовъ. Онъ оставилъ послѣ себя девять словъ, три посланія къ инокамъ, болѣе 20 молитвъ и Канонъ молебный. Это въ началѣ то XII вѣка—не забывайте!.. Вотъ, какъ высоко стояла туровская школа въ ту эпоху!.. Она могла дать такого книжника и поэта, какъ Св. Кириллъ!.. Вспомнить есть что, есть чѣмъ гордиться!..

Но теперь подъѣзжаешь къ древнему Турову и невольно думаешь, глядя на эту безцвѣтную долину:

Чѣмъ ты былъ и чѣмъ сталъ, и что есть у тебя?

Ничего—ничего, кромѣ каменной высокой синагоги, холмовъ и кургановъ на десятки верстъ, подъ которыми тѣни минувшаго, да убогаго кладбища, да густыхъ кустарниковъ на мѣстѣ Владычняго сада, да искаженныхъ старо-русскихъ названій... И все это покрыто толстыми пластами земли, въ которой не хотятъ поискать сокровищъ прошлаго, дорогихъ остатковъ старозавѣтныхъ руинъ.

Гдѣ-же нашъ пахарь, чего еще ждетъ? Чего еще ждутъ наши археологи? Когда же—наконецъ застучать лопаты изслѣдователей такихъ кладовъ, которые непереводимы ни на какія деньги.

А по ночамъ, говорятъ, тѣ, кто вѣрить, въ Кирилловской церкви брезжитъ блѣдный огонекъ... Это отблескъ вѣчнаго сіянія Св. Кирилла, могила котораго, весьма вѣроятно, находится тутъ-же въ Туровѣ, но никому неизвѣстна.

Мать археологія поспѣши и вложи свой перстъ въ эту дреговичскую сокровищницу! Лучше поздно, чѣмъ никогда!..

(Сѣв.-Зап. Жизнь 1 іюня 1913. № 107).

Яковъ Нивичъ.